

LOGKIB

Юджин

ПОВЕДИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскребы магов

Гай Юлий Орловский

Юджин
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 3

Патроны чародея

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *Андрея Старикова*
В оформлении переплета
использован рисунок *Андрея Липаева*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 3. Патроны чародея : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-79580-2

Казалось, еще вчера москвич Евгений наслаждался дарами цивилизации... Но все изменилось в одно мгновение, и внезапно перед ним раскинулся волшебный мир, где три солнца и три луны, маги двигают горы, а в лесах и горах прячутся химеры... Сумеет ли глерд Юджин жить по законам чести, как здесь принято, или сбежит обратно, туда, где вместо могучего скакуна — комфортабельный автомобиль?

Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орловский Г. Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-79580-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Зеленая свежая трава бросается под конские копыта шаловливо и с разбега, голубовато-зеленое небо проплывает на головами медленно и солидно, а исполинское оранжевое солнце светит чисто и ясно, высвечивая мир до самого горизонта.

Зеленое солнце, как меня заверили, не появится еще несколько месяцев, но если вместе с оранжевым, что чаще всего, то при нем ведет себя мирно, не пакостит, как ребенок при строгом родителе.

Я посматривал по сторонам, с удовольствием замечая не только отважно взлетающих над кустами разноцветных птичек, но и трусливо спрятавшихся между ветками. Моя чувствительность в этом мире растет, только бы не за счет моего великолепного ума или чего-нибудь еще более нужного.

Фицрой покачивается рядом в седле превосходного и богато украшенного цветной попоной коня, сам в шляпе с пером, франтоватый, на плечах роскошный плащ, поверх вязаной рубашки кираса из черной бронзы, а кожаным брюкам и сапогам может позавидовать даже король.

Я тоже одоспешился, я же глерд, а мы, как папуасы, все богатство должны носить на себе, чтобы усилить и подчеркнуть доминантность. Настоящая металлическая кираса, наручи и поножи, которые я выбрал из гру-

ды трофеев, подошли отлично, как на меня делали, а остальную одежду выбрал в гардеробе опального герцога.

По краю леса, бдительно наблюдая за нами, проплывают мимо, как водится, самые могучие великаны, только одно дерево, неосторожно выступившее на полшага за линию, некая сила скрутила втрое-вчетверо, словно хозяйка, выжимающая воду из мокрой тряпки. Ветви обломаны, содрана часть коры исполинскими ладонями, если то были ладони, а само дерево теперь похоже на гигантский жгут.

Я кивнул в его сторону.

— Что с ним, как думаешь? Маг пробовал силу?

Фицрой пожал плечами.

— Или темный смерч задел. Чародеи иногда швыряются... Видишь, лет сто назад зацепило, а все еще живет и тянется... Так и люди, покалеченные в боях, часто живут дольше тех, кто всегда во дворце... Ты не бойсь, так короче, если не прыгать в стороны...

Дорога снова нырнула в лес, неприятно сумрачный, деревья все темные, сверху лучи едва пробиваются, потому мир вокруг нас серый и бесцветный, а воздух влажный, холодный. Внизу в распадках от земли поднимается такой густой туман, что не видно копыт, а поваленные деревья покрыты слизью и блестят, как гигантские улитки.

Фицрой сказал бодро:

— Это самая прямая дорога на столичный град Санпринг!.. Хотя это не дорога, но разве героям нужна такая ерунда?

— Достаточно и направлений, — согласился я несколько напряженным голосом. — Хотя вообще-то понимаю, почему дорога делает такую гигантскую петлю...

— Да, — согласился он, — тут завалы на завалах. Не то что повозки, даже конный отряд не пройдет.

Над кустами взлетела стайка птиц. Фицрой тут же проследил за ними заинтересованным взглядом.

— А на лету сможешь?..

— Вряд ли, — ответил я.

— Ну попробуй, — сказал он настойчиво. — А то вдруг твой магический арбалет растерял магию. Я начинаю бояться.

— Ты? — переспросил я. — Хотел бы такое увидеть.

Он с жадным интересом смотрел, как я быстро-быстро, немного рисуясь, выхватил пистолет из кобуры и пять раз выстрелил в ствол огромного дуба. После каждого удара тяжелой пули во все стороны разбрызгивались куски толстой коры, а в ветвях протестующе закричала птица.

Фицрой покрутил головой.

— Быстро... Да, это не арбалет. Но в птиц не попадешь?

— Наоборот, — сказал я, — вдруг да попаду?.. А за что? Птицы не люди, тех убивать можно и нужно, а птицы — существа безвинные.

Он фыркнул.

— Ах-ха, какой ты... правильный. Птиц и я убивать не люблю. И не убиваю. Если, конечно, мелкие. А вот гусей, уток...

— Гусей можно, — рассудил я. — Гуси как бы уже не птицы, раз их едят. Мы демократы, потому подходим к каждому случаю индивидуально. Все для человека, все во имя человека!.. Аминь.

— Аминь, — ответил он и посмотрел на меня с интересом. — Ты был в западных королевствах?

— Нет, — ответил я. — А что?

— Там говорят именно так, — пояснил он. — Правда, не люди, а монахи.

— А люди?

Он отмахнулся.

— У людей своя религия. Или нет вовсе.

Из-за деревьев начали подниматься черепичные крыши сельских домиков. Я смотрел без интереса, Фицрой начал с азартом рассказывать, как он однажды сумел перевести в одно закрытое от чужих глердство целую телегу гангнуса, никто и ухом не повел, а он все сумел выгодно продать и вовремя вернуться...

Я слушал вполуха, раздражение на свалившиеся обязанности поднимается снова, тем более отвратительное, что их вроде бы совсем легко избежать в том смысле, что спасение рук утопающих — дело самих утопающих, однако у этих мирных идиотов абсолютно нет шансов защититься... а дело поставлено так, что их защита на мне по правилу «любишь кататься — люби и саночки возить», но дело в том, что мне и катание это на фиг случилось.

Как только прибью ту тварь с крыльями, сказал себе с яростной решимостью, сразу же все брошу и вернусь в свой домик, где все так сытно, кузявно и няшно. И никуда больше ни ногой! Даже на митинг трансгуманистов не пойду, пусть все сами, все сами, а я просто дождусь сингулярности и милостиво позволю им дать мне в рамках гуманитарной программы вечную молодость и бессмертие.

На дорогу из-за деревьев вышел древний мужик в довольно чистой одежде, не углежог, весь в седой бороде от самых ушей, но глаза орлино круглые, поклонился.

— Благородные глерды...

Я вскинул руки.

— Спасибо-спасибо, но мы торопимся. Никаких пиров, никакого права первой брачной ночи. Едем и даже спешим по делам.

Он посмотрел на меня непонимающе.

— Глерд?.. Я хотел сказать, что раз уж вы тут, то не заглянете ли во-о-о-он в ту хатку. Там наш самый лучший лекарь...

— Я не болен, — отрезал я. — Мало ли что вам наговоряют! Я вообще как вон те дубы, крепок и все такое. В смысле, и голова у меня такая же. Литая, можно сказать с гордостью.

Он договорил, я даже не уверен, что старик меня слушает, старики больше привыкли, что слушают их, да еще требуют, чтобы слушали внимательно и почтительно.

— ...но его вчера убили.

— Мои соболезнования, — сказал я дежурно. — Фицрой, поехали!

Старик повысил голос:

— А это был наш не только лучший, но единственный лекарь. К нему сходились с трех сел!

— Семейная ссора? — спросил я. — Я как-то по бытовым вопросам не мастер. Мне подавай международные разговоры. И кризисы геополитики. Так что я прудальше, извините, приношу свои соболезнования еще раз...

Он вытаращил на меня глаза.

— Вы что... даже не зайдете?

Я ощутил, что совершу какое-то святотатство, даже Фицрой посмотрел как-то странно и с неодобрением.

— Зайду, — ответил я сердито и с усилием, — если так принято. Чтобы еще и родне выразить свои искренние сочувствия, соболезнования и оказать поддержку. Моральную, разумеется.

У той хатки, на которую указал старик, толпятся люди. Мне показалось, нездешние, местные уже знают, что лекарь мертв, а это пришли из других сел, в руках узелки с подношением, в селах монеты не в ходу, в моде вечно живой и бодрый бартер.

Навстречу вышел могучий и еще более древний старик с седой бородищей ниже пояса, с могучими белыми бровями вразлет, что делает его похожим на филина, широкий в плечах и с совсем небольшим брюхом.

Он поклонился с таким чувством достоинства, словно это он знатный глерд и великодушно принимает голодного и озябшего путника.

— Меня зовут Кешарий, — назвался он. — А это мой младший брат. Иногда мне помогает, когда не лежит пьяный и не ходит по чужим женам. Спасибо, что были так быстро...

Я обернулся к молчаливо наблюдающему Фицрою.

— Что, это тоже мое село?

Он растянул рот в злорадной усмешке.

— Последнее, перед границей с землями глерда Велаголия.

— Что за хрень, — сказал я с тоской, — а можно сейчас от него отказаться? И пусть свои проблемы решают сами, как при демократии?

Он покачал головой.

— Увы, сейчас это точно ваши люди.

Я с чувством приближающихся неприятностей повернулся к старику.

— Что стряслось?

Он кивнул в сторону хатки, что при ближайшем рассмотрении оказалась всего лишь просторной хижинкой.

— Там жил наш единственный лекарь. Не только наш... к нему ходили из самых дальних сел. Мы даже не знаем, откуда. Но ходили.

— И он всем помогал?

— Да. Всем.

— А другие лекари есть? — спросил я, уже догадываясь об ответе. — Да, плохо дело... Теперь вам самим придется куда-то ходить.

Он вытаращил на меня глаза.

— Вы что, не собираетесь найти и наказать виновных?

— Найти и наказать, — проговорил я в замешательстве, — это сказать легко... Вот если бы вы его нашли, я с удовольствием накажу мерзавца или мерзавцев по всей строгости моего несправедливого закона. Вам это понравилось бы, уверяю! Я умею делать зрелища. Можно даже с фейерверками, если вспомню, как их делать. Поделим обязанности? Это называется делегировать полномочия на места. Вы должны быть довольны. Вам полномочия, а с вас всего лишь только налоги. Хороший обмен?

Он смотрел на меня злыми глазами.

— Глерд, это ваше дело бдить и защищать!.. Мы налоги платим!..

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — только не надо орать. У лекаря родня есть?

— Есть, — отрубил он, — но не здесь.

— А где?

— Очень далеко, — объяснил он. — Очень!.. За рекой, а там еще и за лесом. Его старшая сестра живет там.

— К ней уже послали?

Он посмотрел с удивлением.

— Зачем?

— Как к наследнице, — сказал я с неудовольствием. — У него осталось что?..

Он почесал лоб.

— Вообще-то вон у входа сидит Пряка, никого не пускает... А то разворуют. Вещей там нет, но лекарь всю жизнь собирал всякие штуки для... гм... лечения.

Я покинул седло, кто-то сразу ухватил повод. Староста пошел за мной. У самой хижины торопливо поднялся с корточек и отпрыгнул от входа крепкий, лохматый, как медведь, парняга.

Следопыт из меня никакой, но вокруг хижины земля мягкая, и оттиски сапог никто не спутает со следами от мягких башмаков крестьян, потому я их и заметил сразу, хотя, конечно, крестьяне тоже заметили, но их примитивные мозги не слишком приспособлены решать задачи, которые лежат за пределами «бери больше — бросай дальше» и «копай от забора и до обеда».

— Ладно, — сказал я, — сперва заеду к его сестре, благо это мне по пути. Так как ее найти?

Он вздохнул.

— Она тоже иногда лечит, но брат был сильнее. Немного. Так и спросите местную лекарку. Бдилла ее зовут.

Глава 2

Фицрой поглядывает с сочувствием. Быть феодалом не так уж и сладко, почему это раньше казалось таким простым и легким?

— Не отставай, — велел он, подмигнув, погнал коня вперед, а с далекого пригорка помахал рукой и жестом велел сворачивать налево.

Деревня открылась сразу за высокими деревьями, дальше снова лес, домики расположились прямо у основания великанских и таких прямых, как заводские трубы, стволов.

На околице во все стороны шуганула босоногая ребятня. Я усмотрел самого храброго, что отважно смотрит из-за высокого плетня, крикнул:

— Эй, герой! Где живет ваша лекарша?

Он хотел было спрятаться, но преодолел страх, явно будет героем, и указал пальцем вдоль улицы.

— Вот тот домик с соломенной крышей. Там живет Шатун, у него во дворе белые козы, сразу увидите.

— Белые козы, — пробормотал я, — белые козы кушают розы... тоже белые...

Фицрой свистнул и понесся вскачь. Я догнал, когда он уже спешил и бросил повод одному из не успевших убежать местных крестьян.

— Ты только не задерживайся, — посоветовал он. — Да, надо о них заботиться, но что-то и сами должны делать. Не давай на себя сесть и ножки свесить.

— Я бы им все полномочия передал, — буркнул я. — Кроме права первой брачной...

— Ого!

Я махнул рукой.

— Да ладно, и это бы передал, лишь бы ничего не делать и ни за кого не отвечать.

Калитка не заперта, но нас увидели, из дома выбежал лохматый мужик с печальным лицом, торопливо сорвал шапку с головы.

— Глерды?

— Бдилла, — сказал я, — здесь?

— Это моя жена, — ответил он быстро. — Она... болеет. Сильно болеет. Даже очень.

— Веди, — велел Фицрой.

Втроем вошли в дом, во второй комнате на постели лежит укрытая одеялом до груди бледная изможденная женщина. Что больна, сильно больна, видно сразу: жутко исхудавшая, кости выпирают наружу, глаза ввалились, под ними темные круги, подбородок выдвинут вперед, будто и она из потомства Габсбургов.

Я посмотрел встревоженно, что-то здесь не так. Настолько тяжело больных видеть не приходилось, древние маги успели не только модифицировать огородные растения и улучшить породы скота, но и в достаточной

мере защитили людей от большинства болезней. А эта прямо умирает в расцвете, как говорится, лет.

— Только бы не чума, — пробормотал я. — И не холера... И не «испанка»...

Муж больной спросил встревоженно:

— Глерд?

— Болезни, — пояснил я, — что передавались от одного к другому и косили целые народы...

Он сказал торопливо:

— От нее никто не заразится.

— Точно? — спросил я. — Откуда знаешь?.. Это не похоже на ревматизм.

Он кивнул, но взгляд пугливо отвел в сторону.

— Так... чувствуется. В общем, верю...

Я подошел ближе, начал наклоняться к ней, и тут же отдернул голову. Ноздри ощутили незнакомый запах, и хотя нюхач из меня в прошлом неважный, но от нее отчетливо пахнет мокрой псиной, такой же точно запах, когда промокшая под дождем собака вбегает в дом и нагло просится на ручки, а потом вообще лезет на голову.

Муж больной и Фицрой смотрят встревоженно, я проговорил, не поворачивая головы:

— Вы, двое, выйдите. За дверь, ясно?

Оба замялись, Фицрой вообще-то готовится возразить, я сказал резко:

— Все вон!.. Кроме больной. Вы что, думаете, сейчас буду насиловать?

Они с неохотой вышли. Я встал и задвинул за ними завес, а когда повернулся к ложу, в моей руке пистолет уже смотрит черным зрачком дула прямо в лицо женщины.

— Запах знакомый, — сказал я. — Говори быстро, хи-мера?

Женщина проговорила слабым голосом:

— Господин... я ничего дурного не делала...

— Это проверим, — пообещал я. — Давно здесь?

— Семь лет, — проговорила она прерывающимся голосом. — У нас ребенок... нет, он не химера... Он от предыдущей жены мужа, она погибла... Муж не знает, кто я... Никто не знает. Я ни разу...

— Хорошо, — сказал я сурово, — это хорошо, что ни разу. Никогда не поздно выйти в отставку, забыть о бурной молодости, жить простым обывателем и даже порицать распущенную молодежь. Все женщины лицемерят... А чем ты таким заболела? Я не думал, что химеры и прочие... гм... болеют!

Она почти прошептала:

— Химеры не болеют. Но я жила семь лет человеком и ни разу не становилась химерой. Потому постепенно слабела... И теперь вот вообще слегла.

— И что дальше? — спросил я.

— Умру, — ответила она тихо, глаза заблестели влагой, а голос прервался. — Но никто не узнает... что я не совсем человек..

— Ты человек, — сказал я, — раз ты человек. Я доступно объясняю?... Да?... А я вот себя не понял... И чем таких лечат?

Она прошептала:

— Господин, зачем это вам? Просто убейте...

— Я тебя не записывал в советницы, — оборвал я. — Может быть, я вообще сексист и женщин не допущу на высокие должности. Таких лечат или нет?

Она ответила слабо:

— Это очень трудно. Только лейгилст...

— А что это?

— Лейгилст, — проговорила она. — В Зачарованном Лесу.

Я поморщился.

— Это который в миле от столицы?..